

УДК 343.13

DOI 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).1.077-084

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ЕМЕЛЬЯНОВА,

доктор юридических наук, доцент,
исполняющий обязанности ректора,

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,

ORCID 0000-0003-3910-2269,

e-mail: emelyanova.ev@skspba.ru;

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕТРЯНИН,

доктор юридических наук, профессор,
директор Нижегородского филиала,

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-2134-0915,

e-mail: petryanin@mail.ru;

ВЛАДИМИР ОЛЕГОВИЧ ИВЕНИН,

кандидат юридических наук,

преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-1423-8656,

e-mail: 073297@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЮ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Для цитирования

Емельянова, Е. В. Перспективы уголовно-правового противодействия воспрепятствованию осуществлению оперативно-розыскной деятельности / Е. В. Емельянова, А. В. Петрянин, В. О. Ивенин // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – Т. 17(1–4), № 1. – С. 77–84. – DOI : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).1.077-084.

Аннотация. Цель исследования состоит в научном переосмыслении тематики уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности в части перспектив использования возможностей Особенной части уголовного законодательства России для охраны общественных отношений, возникающих по поводу осуществления названного вида правоохранительной деятельности. Достижение этой цели реализовано путем решения следующих задач: обоснование общественной опасности поведения, дестабилизирующего оперативно-розыскные правоотношения; рассмотрение оперативно-розыскных правоотношений как

© Емельянова Е. В., Петрянин А. В., Ивенин В. О., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

важной составляющей интересов правосудия; выявление юридико-технических противоречий между оперативно-розыскным и уголовным законодательством; изучение и обобщение материалов социологического исследования, проведенного с участием сотрудников оперативных подразделений, классификация основных форм воспрепятствования осуществлению оперативно-розыскной деятельности; изучение следственно-судебной практики по вопросам юридической оценки воспрепятствования. Основу методологии исследования составил диалектический метод познания, существенная роль была отведена индуктивной методологии, позволившей разделить механизм уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности на регулятивное и охранительное направления с последующим обособленным рассмотрением связи Особенной части уголовного закона с законодательством, регламентирующим названную деятельность. Из специально-правовых методов в исследовании используются сравнительно-правовой, догматический, социологический. По результатам исследования актуализирована необходимость реализации охранительной функции уголовно-правовой отрасли в контексте обеспечения оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, определено, что дестабилизация этой деятельности может выражаться в различных формах воспрепятствования, на которое законодателю рекомендовано установить уголовно-правовой запрет в пределах главы 31 Уголовного кодекса Российской Федерации. Полученные результаты исследования могут быть использованы в качестве методологической основы для будущих исследований по данной теме, а равно быть учтены в законотворческой и правоинтерпретационной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности, интересы правосудия, дестабилизация, воспрепятствование, уголовно-правовая охрана.

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД), безусловно, является крайне важной составляющей отечественной уголовной политики, она оказывает непосредственное влияние на эффективность принимаемых государством мер по противодействию преступности. Данное направление работы правоохранительных органов привносит существенный вклад в состоятельность системы отправления правосудия, поскольку именно в ходе проведения оперативно-розыскных и соответствующих поисковых мероприятий происходит аккумулирование доказательственной базы, а равно предупреждение сокрытия подозреваемых и обвиняемых от дознания, следствия и суда. Достижение целей российского судопроизводства не представляется возможным без должного уровня оперативного сопровождения уголовных дел. На стыке уголовно-правовой и оперативно-розыскной наук не первый год ведутся оживленные дискуссии на тему сопричастности общественных отношений, возникающих по поводу осуществления ОРД, и интересов правосудия [1, с. 20]. Существенный научный вклад в разработку данной темы внесли Г. С. Шкабин [2, 3], А. П. Дмитренко [4], С. С. Кузьмин [5] и многие другие ученые. Следует отметить, что подобные дискуссии небеспочвенны. Дестабилизирующее воздействие на оперативно-розыскные правоотношения, которое может быть выражено в различных формах воспрепятствования в указанной сфере правоохранительной деятельности, закономерно ведет, во-первых, к осложнению следственно-судебной практики на всех стадиях уголовного судопроизводства, а во-вторых, к дискредитации системы отправления

правосудия, поскольку от эффективности оперативно-розыскного сопровождения уголовных дел зависит качество доказательственной базы, поступающей для производства в органы предварительного расследования и в суд. В то же время данные процессы могут негативно отразиться на реализации принципа неотвратимости ответственности, что неизбежно приведет к искажению правосознания граждан и создаст почву для возникновения криминогенной обстановки в обществе. Приведенные обстоятельства характеризуют дестабилизирующее воздействие на ОРД как общественно опасное поведение. Казалось бы, это обуславливает необходимость закрепления в уголовном законодательстве соответствующих запретов. Тем не менее Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) не устанавливает комплексного механизма уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере осуществления ОРД. Закон содержит в себе рассредоточенные по главам нормативные предпосылки к реализации охранительного направления уголовно-правового обеспечения ОРД, но подобных мер явно недостаточно. Необходимым видится именно системный подход, заключающийся в отнесении оперативно-розыскных правоотношений к интересам правосудия в разрезе гл. 31 УК РФ. При этом соответствующим правопреобразовательным процессам должно предшествовать всестороннее научное осмысление, а при необходимости переосмысление. Следует отметить, что значительная часть исследователей по рассматриваемой проблеме в своих изысканиях акцентируют внимание на проблеме регулятивного уголовно-правового обеспечения ОРД, а именно на вопросе соответствия уголовного и оперативно-розыскного законодательства касательно правомерного причинения вреда общественным отношениям [4–10]. Как следствие, в доктрине по тематике уголовно-правового обеспечения ОРД посредством норм Особенной части УК РФ обнаруживается явный теоретический пробел, частичному устранению которого посвящено настоящее исследование.

Основу методологии данного исследования составил диалектический метод познания, через призму которого была всесторонне рассмотрена актуальная правовая действительность, изучена заявленная проблематика с противоречивых позиций. Кроме того, в процессе исследования мы обращались и к общенаучным методам, таким как индукция и дедукция, абстракция, анализ и синтез.

В числе специально-правовых методов были использованы:

- сравнительно-правовой, выразившийся в изучении международной правотворческой практики В. О. Ивениным;
- формально-юридический, заключающийся в изучении А. В. Петряниным уголовного и оперативно-розыскного законодательства на предмет наличия между ними юридико-технических противоречий в обобщении судебных статистических сведений;
- социологический, нашедший свое отражение в опросе в формате поливариантного анкетирования должностных лиц оперативно-розыскных органов.

В ст. 1, 3 УК РФ данный нормативно-правовой акт определен в качестве единственно-го источника уголовного законодательства. Следовательно, вопросы уголовно-правового содержания могут быть урегулированы исключительно в пределах УК РФ. Например, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», предусматривая в своей структуре нормы, касающиеся правомерного причинения вреда путем использования сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия для защиты себя или граждан от противоправных действий третьих лиц, является лишь правовой интерпретацией положений гл. 8 УК РФ в разрезе профессиональной деятельности сотрудников соответствующего ведомства. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее –

Федеральный закон об ОРД), содержащий аналогичные по отраслевой природе нормы (ч. 4 ст. 16, ч. 4 ст. 18), не соответствует в этой части положениям УК РФ [11, с. 50–53]. Подобные обстоятельства оказываются юридически несостоятельными с точки зрения нормативизма и буквального толкования закона, что обусловлено несамостоятельностью специального законодательства относительно установления границ правомерности формального преступного поведения. Вместе с тем не следует исключать из исследовательского внимания соотношение оперативно-розыскного законодательства с Особенной частью УК РФ. В ч. 3 ст. 15 Федерального закона об ОРД имеется весьма примечательный правовой запрет, согласно которому воспрепятствование осуществлению оперативно-розыскной деятельности должно влечь за собой установленную законодательством ответственность. Подробный анализ уголовного закона продемонстрировал, что в УК РФ не содержится норм, призванных обеспечить действие указанного запрета. Единственно возможный вариант ретроспективного реагирования на подобное дестабилизирующее воздействие находится в поле административно-правовой отрасли, а именно ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции...). Эта норма имеет большее отношение к ч. 2 ст. 15 Федерального закона об ОРД о недопустимости неисполнения законных требований должностных лиц оперативно-розыскных органов, в то время как ч. 3 ст. 15 приобретает статус декларативного положения уголовно-правового содержания. Обосновываем такую точку зрения тем, что воспрепятствование осуществлению оперативно-розыскной деятельности, равно как и иное дестабилизирующее воздействие, представляет собой явно общественно опасное поведение, затрагивающее интересы государства в области правосудия. Именно по этой причине мы считаем верным поместить запрет на соответствующее деяние путем преобразования ст. 294 УК РФ, предусматривающей ответственность за воспрепятствование (вмешательство) в производство предварительного расследования. В ряде случаев виновный в совершении преступления может избежать уголовной ответственности еще до стадии возбуждения уголовного дела, если он предпримет необходимые меры для предотвращения проведения оперативно-розыскных мероприятий. Самое строгое, что ему грозит в случае обнаружения его противоправных действий, – это административное наказание: ведь он осуществлял воспрепятствование не следователю, а оперативному работнику, и оснований для вменения ст. 294 УК РФ нет. Хотя итог воспрепятствования следователю (дознавателю) и оперуполномоченному – нереализованное правосудие, непривлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление. Наше суждение об общественной опасности воспрепятствования оперативно-розыскной деятельности подтверждается и результатами социологического исследования. В частности, в формате анкетирования нами был проведен опрос 100 сотрудников оперативных подразделений, уполномоченных на осуществление ОРД. Средний стаж службы в оперативно-розыскных органах среди опрошенных составил 4 года. На вопрос о том, известны ли им случаи препятствования в какой-либо форме осуществлению оперативно-розыскной деятельности, утвердительно ответили 47 % респондентов, из них 22 % заявили, что сталкивались с воспрепятствованием со стороны других должностных лиц оперативно-розыскных органов, в частности вышестоящих. Как отметили сами опрошиваемые, выражалось это в необоснованном отказе в санкционировании проведения оперативно-розыскных мероприятий, а равно в требованиях изъять из дел оперативного учета те или иные сведения, потенциально имеющие значение для доказывания в случае их рассекречивания и передачи в следственные органы для производства по уголовному делу.

Изложенное свидетельствует о том, что воспрепятствование может быть выражено не только в действиях, но и в бездействии, если оно совершается лицами, уполномоченными в силу занимаемого ими служебного положения оказывать влияние на ход осуществления ОРД. В связи с этим считаем важным отметить, что ответы 7 % респондентов показали, что подразумеваемое противоправное влияние может быть оказано в том числе со стороны сотрудников органов прокуратуры. Никто из опрошенных не отметил фактов воспрепятствования со стороны судей. Кроме того, 67 % респондентов из числа тех, кому известны факты воспрепятствования, указали на то, что последнее осуществляется проверяемыми или разрабатываемыми лицами.

В процессе интервьюирования этой группы оперативников было установлено, что данный вид препятствования имеет две основные формы выражения: насильственную и ненасильственную. К последней относятся факты клеветы (о которой заявили 87 % опрошенных) о совершении оперативным работником противоправного деяния или аморального поступка, невыполнении законных требований. Например, в результате изучения материалов следственно-судебной практики было установлено, что граждане нередко отказываются впускать сотрудников в помещения для проведения обследования, предусмотренного п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона об ОРД, а равно для проведения иных гласных оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Так, в описательно-мотивировочной части решения Кумертауского городского суда по делу № 12-36/2010 отмечается, что 20 января 2010 г. гражданка воспрепятствовала проведению оперуполномоченным отдела по борьбе с экономическими преступлениями по городу Кумертау гласного ОРМ – проверочной закупки, что послужило основанием для привлечения ее к ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ. Мы считаем подобную меру явно недостаточной, во всяком случае, в вопросе стимулирования правомерного поведения лиц, в отношении или при непосредственном участии которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия. Обращаем также внимание на то обстоятельство, что 19 % из общего числа опрошенных указали, что им известны факты разглашения данных оперативно-розыскной деятельности, что в большинстве случаев негативно сказалось на итогах расследования по уголовному делу.

Полученные результаты анкетирования подтолкнули нас к организации второго этапа социологического исследования, предназначенного для установления корреляции ОРД и предварительного расследования, а равно для подтверждения или опровержения идеи об имманентной связи оперативно-розыскных правоотношений и интересов правосудия. Для этого нами вновь были опрошены сотрудники из оперативных служб и подразделений, в частности уголовного розыска, отделов экономической безопасности и противодействия коррупции. На этот раз для более своевременного получения результатов было принято решение ограничиться 30 респондентами, что нами видится достаточно репрезентативной выборкой, поскольку на втором этапе опросов мы обращались к должностным лицам, у которых минимальный стаж службы в оперативных подразделениях составляет 7 лет. Указанная группа состояла из представителей трех субъектов Российской Федерации, входящих в состав Приволжского федерального округа. Согласно данным анкетирования, 93,3 % опрошенных (28 респондентов) считают, что ОРД имеет непосредственное влияние на ход и результат предварительного расследования. Ровно столько же ответили, что от работы оперативных подразделений зависит и качество стадии судебного разбирательства. Подтверждением тому служат и данные внутриведомственной статистики. Согласно сведениям, предоставленным Федеральным казенным учреждением «Главный информационно-аналитический центр МВД России» за январь – декабрь 2020 г. по показателю результатов деятельности органов внутренних дел по установлению лиц, совер-

шивших преступления, на долю сотрудников уголовного розыска приходится 434 963 раскрытия (из них 4503 преступления совершено преступными организациями), что составляет 35,5 % от всей раскрываемости в общем показателе работы органов внутренних дел (самый высокий показатель среди остальных служб и оперативных аппаратов). На долю сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции приходится 69 093 раскрытия (из них 5558 преступлений совершены в составе преступных организаций), то есть всего 5,6 %, но при этом стоит учитывать повышенную значимость оперативной работы в сфере противодействия преступности по указанному направлению. Нами также было проведено интервьюирование следователей и дознавателей, согласно которому большая часть сотрудников следственных органов подтверждают существенную значимость своевременного и полноценного оперативного сопровождения уголовных дел для производства доказывания по уголовному делу.

Таким образом, мы приходим к умозаключению о необходимости разработки соразмерного по характеру общественной опасности механизма уголовно-правового противодействия воспрепятствованию ОРД. И для этого первым и ключевым решением, закономерно последовавшим после признания социальной значимости названной сферы общественных отношений, мы видим криминализацию этого поведения путем отображения юридического положения ч. 3 ст. 15 Федерального закона об ОРД в структуре ст. 294 УК РФ. Законодателю следует установить запрет не на вмешательство с целью воспрепятствования (что следует из действующей редакции ст. 294 УК РФ), а на само воспрепятствование, которое может быть выражено как в активном поведении (в том числе вмешательстве), так и в преступном бездействии со стороны должностных лиц, так как своим умышленным пассивным поведением они могут создавать препятствия для решения задач ОРД, исходя из своей, например, корыстной или иной личной заинтересованности.

Актуальность приведенных выше предложений подтверждается не только аксиологией ОРД или межотраслевыми противоречиями оперативно-розыскного и уголовного законов, но и международными обязательствами России по взаимной гармонизации национального законодательства государств – участников международных организаций в целях повышения эффективности многостороннего сотрудничества в сфере противодействия преступности. Так, постановление № 8–9 Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, принятое на восьмом пленарном заседании 2 ноября 1996 г., утверждает рекомендательный международный акт «О борьбе с организованной преступностью». В качестве одной из рекомендаций, направленных на обеспечение межгосударственного сотрудничества, странам, подписавшим данный документ, предлагается внести в национальные уголовные законы запреты:

– на сопротивление сотруднику милиции, лицу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, военнослужащему или лицу, выполняющему общественный долг по борьбе с преступностью (ст. 6);

– посягательство на жизнь сотрудника милиции, лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, военнослужащего или лица, выполняющего общественный долг по борьбе с преступностью (ст. 7);

– воспрепятствование служебной деятельности прокурора, следователя, лица, производящего дознание или осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ст. 8).

Несмотря на тот факт, что данный документ был подписан российской стороной, единственный источник уголовного законодательства РФ так и не был приведен в соответствие с обозначенной моделью. В качестве примера обособленного обеспечения ОРД посредством Особенной части уголовного законодательства можно привести ст. 330 Уго-

ловного кодекса Украины (передача или собирание сведений, составляющих служебную информацию, полученную в процессе оперативно-розыскной, контрразведывательной деятельности, в сфере обороны страны. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14#Text>), согласно которой законодатель данного государства рассматривает общественные отношения, касающиеся охраны значимой для ОРД информации, в отрыве от государственной тайны, как обособленный объект охраны, более связанный с интересами правосудия. Подтверждением тому служит и ст. 387 Уголовного кодекса Украины (разглашение данных оперативно-розыскной деятельности, предварительного расследования). С учетом того что оперативные работники, принявшие участие в социологическом исследовании, отметили в качестве одной из форм воспрепятствования их деятельности разглашение информации о планируемых или проведенных оперативно-розыскных мероприятиях, считаем целесообразным рассмотреть вопрос о расширении нормативного содержания ст. 310 УК РФ в целях распространения гл. 31 уголовного закона в том числе на оперативно-розыскную информацию, не всегда относящуюся к категории сведений, составляющих государственную тайну [12].

Изложенное в достаточной мере обосновывает следующие выводы:

- оперативно-розыскные правоотношения находятся в тесной имманентной связи с интересами правосудия;
- воспрепятствование осуществлению ОРД является умышленным общественно опасным поведением, причиняющим вред общественным отношениям, охраняемым гл. 31 УК РФ;
- воспрепятствование может быть выражено в активной и пассивной формах (совершено путем действия или бездействия), оно может носить насильственный и ненасильственный характер;
- необходимо на законодательном уровне, а равно посредством интерпретационной практики суда высшей инстанции, распространить действие норм гл. 31 УК РФ на охрану общественных отношений, возникающих по поводу осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в правотворческой, интерпретационной юридической технике и в научной деятельности по данной и смежной с ней темам.

Библиографический список

1. Зеленская Т. В. Значение задач оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2008. № 1(1). С. 20–27.
2. Шкабин Г. С. Направления уголовной политики в сфере правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. СПб. : Петрополис, 2015. С. 309–314.
3. Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения : монография. М. : Юриспруденция, 2018. 272 с.
4. Дмитренко А. П. Институт обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 50 с.
5. Кузьмин С. С. К вопросу о сбалансированности уголовного и оперативно-розыскного законодательства // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола. Рязань : Концепция, 2016. С. 96–102.

6. Дорогин Д. А. Выполнение специального задания (оперативное внедрение) как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность // Российское правосудие. 2019. № 7. С. 57–68.

7. Доманов Д. В. Имитация преступного поведения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 1(60). С. 47–53.

8. Попов К. И. Правомерное причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2013. № 1(34). С. 31–34.

9. Немчинов Е. В. Причинение вреда при выполнении специального задания как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Достижения и перспективы правовой науки : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (10 окт. 2014 г., г. Уфа). Уфа : Аэтерна, 2014. С. 25–27.

10. Рабаданов А. С. Выполнение специального задания как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Правовая культура. 2011. № 1. С. 97–104

11. Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. Социально-правовая обусловленность регламентации правомерного причинения вреда при проведении оперативного внедрения // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола. Рязань, 2016. С. 50–57.

12. Ивенин В. О. Сравнительный анализ статей 283, 284, 311, 320 УК РФ в контексте охранительного направления уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(43). С. 245–250.